
ВЕДЬМА
ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ
Мария Ежова

Мария Ежова

ВЕДЬМА ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ

«Автор»
2026

Ежова М.

ВЕДЬМА ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ / М. Ежова — «Автор», 2026

В мире, где магия давно стала неудобной тайной, София научилась быть незаметной. Она скрывает свою истинную сущность, притворяясь обычной сотрудницей небольшой фирмы. Лишь изредка она позволяет себе использовать свой дар, чтобы помочь, предостеречь или просто не сойти с ума от чужих эмоций. София старается быть «как все», но магия постоянно напоминает о себе. Когда в её сердце появляется место для Андрея, директора фирмы, который кажется ей самым загадочным человеком на свете, скрывать свой дар становится всё труднее. Чем сильнее разгорается её чувство, тем сложнее ей контролировать свою магию. И однажды грань между тайным и явным начнёт стираться. «Ведьма по совместительству» — это романтическая история с лёгким оттенком мистики. Она о том, как сложно любить, когда видишь чужие мысли, и как важно найти того, кто примет тебя такой, какая ты есть, с твоей необычной тайной.

© Ежова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Г 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Мария Ежова
ВЕДЬМА ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ

Глава 1

София проснулась от тихого звонка будильника. Она специально установила его на мягкий, почти неслышный звук, потому что не выносила резких трелей, которые, казалось, раздражали её и без того уставший мозг. За окном всё ещё царили сумерки, и город только начинал просыпаться. Где-то вдалеке урчал мотор, а по стеклу скользнул свет фар.

Она села на кровати, потянулась и на мгновение замерла, прислушиваясь не к звукам, а к тому невидимому шуму, который всегда был с ней. Это не были голоса или слова, а скорее оттенки эмоций. Где-то рядом, в соседней квартире, кто-то злился на будильник, этажом ниже — женщина тревожно думала о том, что не успела купить молоко, а сверху доносился ровный и спокойный сон ребёнка. София вздохнула. Иногда ей казалось, что чужие чувства живут в воздухе, как пыль, и оседают на её коже.

Первым делом София потянулась к шкатулке, стоявшей на тумбочке. Внутри, на тёмно-синем бархате, лежали её серебряные серьги — простые, без камней, с изящной гравировкой по ободку. Для окружающих это были обычные украшения, но для Софии они служили оберегом, её маленьким щитом. Аккуратно надев серьги, она почувствовала, как холодный металл коснулся мочек ушей. И словно в ответ на это прикосновение, окружающий мир стал тише, как будто кто-то убавил громкость.

Утренние сборы превратились в привычный ритуал: душ, чашка крепкого чая вместо кофе (кофе делал её слишком нервной), укладка, занимавшая ровно семь минут — ни больше, ни меньше. София любила порядок. Он помогал ей держать под контролем свою магию. Или хотя бы делать вид, что держит.

В прихожей она остановилась у зеркала, поправила воротник пальто, слегка наклонила голову, чтобы проверить, не выбилась ли прядь, и тихо произнесла: «Сегодня ты просто София. Обычная сотрудница. Незаметная. Полезная. Не ведьма». Это была её маленькая мантра, которая помогала ей чувствовать себя увереннее.

Её светло-каштановые волосы струились мягкими волнами, словно сами знали, как принять аккуратную форму. Лишь одна непослушная прядь то и дело выбивалась из общего строя, и София заботливо её поправляла. В оттенке её волос играли тёплые полутона: где-то они были ближе к золоту, а где-то — к тёмному мёду. В свете лампы они словно вспыхивали тонкими искрами.

У неё было тонкое, чуть вытянутое лицо с нежными чертами: аккуратными скулами, небольшим прямым носом и глазами цвета тёмного янтаря. Они казались спокойными, но в них всегда пряталась какая-то затаённая внимательность, словно она каждую секунду считывала чуть больше, чем следовало. Тонкая серебряная цепочка на шее почти терялась в складках водолазки, а знакомые всем серебряные серьги — её маленький оберег — холодно поблескивали, напоминая: сегодня ты держишь всё под контролем.

Пальто было подобрано в соответствии с её фигурой, но не обтягивало её. Оно имело строгий, но не суровый силуэт, что позволяло ей гармонично вписываться в офисную атмосферу. Однако в её осанке ощущалось нечто особенное: не показная уверенность, а внутреннее спокойствие и уравновешенность. Создавалось впечатление, что она знает, как одним движением руки удерживать мир на месте.

Офис встретил её привычной полутьмой: лампы дневного света ещё не были включены, и лишь тусклый свет пробивался из-за стеклянных перегородок. На мгновение она замерла, а затем медленно выдохнула. Сняв сначала одну серёжку, а затем другую, она положила их в карман. Мир вокруг сразу же стал громче: чужие эмоции нахлынули на неё, словно прибой.

София тихо прошла к своему столу, стараясь не шуметь и не привлекать внимания коллег. Однако, стоило ей сесть, как в голове словно яркой вспышкой промелькнула мысль: «Сроки. Отчёт. Всё идёт не по плану. Никто не придёт на помощь». Это была мысль Игоря, коллеги из соседнего отдела. София даже не смотрела в его сторону, но ощутила его панику так ясно, словно он шептал ей на ухо. Но она сосредоточилась лишь на одном — на тревоге Игоря.

Она встала и подошла к его столу, будто хотела спросить о принтере. Однако вместо этого она предложила:

— Слушай, если ты перенесёшь основные цифры на отдельный лист и сгруппируешь их по кварталам, таблица сама собой создастся. И сразу станет понятно, где не хватает данных.

Игорь поднял на неё глаза, полные усталости, словно не сразу узнал.

— Что? — он с недоумением посмотрел на неё.

— Просто хочу дать совет, — сказала София. — В прошлом году у меня была похожая ситуация, и мне это помогло.

Игорь моргнул, кивнул, но уже не слушал её, а смотрел в экран и быстро щёлкал мышкой. София вернулась к себе, снова надела серьги, и шум в голове стал тише. Она села, выдохнула и подумала: «Ну вот, просто помогла. Никто ничего не заметил».

В этот момент дверь распахнулась, и в офис вошёл Андрей.

Он вошёл в офис без лишнего шума, не хлопнув дверью и не привлекая внимания. Как всегда, он был собран и спокоен. В его тёмно-сером пальто, с папкой под мышкой, на лице играла лёгкая улыбка, которую он, кажется, даже не замечал. Его появление заставило всех в офисе собраться и сосредоточиться, словно они почувствовали его энергию.

Его тёмно-каштановые волосы слегка вились и были аккуратно уложены, но без геля, словно он просто провёл по ним рукой перед выходом. Его лицо отличалось строгой, но не суровой красотой: прямой нос, чётко очерченные скулы, а над внимательными серо-зелёными глазами — чуть нахмуренные брови. Создавалось впечатление, что даже в этот момент он продолжал что-то обдумывать.

В его движениях не было ни капли спешки, но чувствовалась внутренняя сила. Он шёл ровно и уверенно, как будто точно знал, куда и зачем направляется. Пальто идеально сидело на его подтянутой фигуре, а из-под рукава выглядывал тонкий ремешок серебряных часов — неброских, но явно дорогих. В нём ощущалась спокойная сила, которая заставляла людей невольно прислушиваться к каждому его слову, даже если он говорил совсем тихо.

София подняла глаза и замерла. Она уловила его внутренний ритм — не как отдельные мысли, а как ровный и глубокий поток. В нём не было ни резких всплесков, ни суеты. Он словно закрылся от всего мира или был настолько уравновешен, что его сознание напоминало гладкую воду без ряби. София попыталась проникнуть глубже, чтобы узнать, о чём он думает, но натолкнулась на странную пустоту. Не на стену, а на тишину. Даже сняв серёжки, она не смогла проникнуть в его мысли, поэтому надела их обратно.

Впервые за долгое время ей стало любопытно не из-за тревоги или беспокойства о ком-то, а из-за простого, почти детского желания: «Что он обо мне думает? Нравлюсь ли я ему?»

Андрей прошёл мимо её стола, немного задержавшись, словно хотел что-то сказать, но потом лишь кивнул:

— Доброе утро, София. Всё хорошо?

— Да, — произнесла она чуть быстрее, чем хотела. — Всё в порядке.

Он улыбнулся чуть шире и пошёл дальше, в сторону своего кабинета. София осталась сидеть, чувствуя, как внутри неё всё ещё раздаётся эхо от этого странного ощущения — словно она пытается уловить шёпот в полной тишине.

День протекал в своём обычном русле: письма, правки, короткие совещания, кофе, который она так и не выпила. К вечеру усталость накрыла её, словно тяжёлое одеяло. София уже собиралась надеть пальто, когда почувствовала, как магия, которую она весь день удерживала в узде, зашевелилась внутри.

На столе стояла её любимая чашка с небольшой трещиной на ручке. София не обращала на неё внимания, потому что привыкла к ней. И вдруг чашка, словно ведомая чьей-то невидимой рукой, медленно поплыла по столу прямо к её ладони. София только успела подумать: «Нет, только не сейчас!» — как услышала сбоку удивлённый голос Макара:

— Как ты это сделала?

София резко вздрогнула, чашка звякнула, но не разбилась. В тот же миг на её лице появилась самая обычная, «нормальная» улыбка.

— Это сквозняк, — произнесла она, словно это было самое логичное объяснение на свете. — Кажется, здесь где-то приоткрыто окно.

Макар прищурился и, посмотрев на чашку, снова перевёл взгляд на неё, а затем обратно на чашку.

— Чашки двигаются из-за сквозняка? — спросил он. — Прямо к тебе в руки?

София почувствовала, как внутри неё всё сжалось. Она не хотела, чтобы кто-то узнал об этом. Ей не хотелось оправдываться. И тогда она сделала то, чего всегда старалась избегать: посмотрела Макару прямо в глаза и тихо, но твёрдо произнесла:

— Ты ничего не видел. Чашка стояла на месте. И никакого сквозняка не было. Тебе всё показалось.

Макар моргнул, его взгляд стал слегка отстранённым, а затем он пожал плечами.

— Да… наверное, мне показалось. Чашка стоит на месте, — медленно произнёс он.

Он отвернулся и направился к своему столу. София поспешно надела серьги, ощущая, как мир снова погружается в тишину, но на этот раз она была не безмятежной, а давящей.

Она посидела ещё минуту, глядя на пустую чашку, затем собрала вещи и вышла из офиса. На улице уже стемнело, фонари зажигались один за другим, и София шла по тротуару, погружённая в свои мысли. «Магия — это не просто забава, — думала она. — Сегодня она едва не раскрыла мою тайну и не разрушила мою спокойную жизнь».

София закрыла за собой дверь квартиры и на мгновение остановилась в прихожей, прислушиваясь к звукам вокруг. Здесь царила тишина — лишь негромкий гул холодильника, едва слышный скрип старого радиатора и её собственное дыхание. Она закрыла глаза и медленно выдохнула, словно снимая с плеч тяжёлый плащ, который носила весь день. Наконец-то дома она могла позволить себе расслабиться, перестать притворяться обычной сотрудницей и хотя бы ненадолго забыть о том, что нужно скрывать от всех свою ведьмовскую сущность.

Она прошла на кухню, налила себе стакан воды, сделала несколько неторопливых глотков и только потом сняла серебряные серьги. Аккуратно положила их на блюдце рядом с сахарницей.

И тут же мир будто бы раскрылся перед ней. Он не стал громче в привычном понимании — звуки города за окном и шаги соседей сверху остались прежними. Но в пространство словно ворвался новый слой: мысли, тревоги, надежды других людей, живущих за стенами. София не могла видеть этих людей, но она чувствовала их присутствие — как лёгкое покалывание на коже, как едва уловимый гул, который невозможно спутать ни с чем. Мир перестал быть

тихим — он стал насыщенным, переполненным голосами окружающих, и от этого даже воздух, казалось, стал плотнее.

Она прикрыла глаза, чтобы адаптироваться к новым звукам, и сделала глубокий вдох. Это было похоже на выход из тихого помещения на оживлённую улицу: сначала шум оглушает, но затем начинаешь различать отдельные голоса в общем гуле.

Спустя некоторое время София вновь надела серьги, и мир вокруг неё изменился. Чужие эмоции не исчезли совсем — они всё ещё были где-то далеко, за невидимой преградой, но перестали давить на неё и отнимать силы. Мир снова стал тише и уютнее, словно кто-то мягко опустил звуконепроницаемую завесу между Софией и всем остальным. Теперь она слышала только то, что хотела: стук ложки о край чашки, тихий гул холодильника, собственное дыхание. И в этой тишине можно было наконец перевести дух.

София с лёгкой улыбкой на губах осознала, что ей удалось достичь небольшого, но очень значимого прогресса — она научилась управлять своим внутренним «переключателем». Раньше, когда чужие мысли обрушивались на неё подобно волнам, она едва успевала защититься, используя свои ритуалы и украшения, то есть серебряные серьги. Теперь же в её власти было выбирать, слышать их или нет. Она могла включать и выключать этот дар по своему желанию.

Сегодня она решила двигаться дальше. Убрав серебряные серьги в шкатулку, она закрыла крышку и на мгновение задержала на ней ладонь, словно прощаясь с костылём, который столько раз помогал ей. Затем она села на край дивана, выпрямилась, закрыла глаза и сделала три медленных вдоха, как учила её бабушка в своих старых заметках: «Сначала почувствуй границу, потом научись её удерживать».

Она представила, как вокруг её головы образуется тонкая, но прочная оболочка, напоминающая лёгкую дымку. Это была не глухая стена и не железный щит, а именно лёгкая завеса, которая пропускала свет, но задерживала посторонние звуки. София мысленно «натянула» её на себя, слой за слоем, словно надевая невидимую вуаль. И прислушалась.

Сначала София уловила отдельные эмоции: чью-то утреннюю панику из квартиры этажом выше, раздражение курьера, застрявшего в пробке, и тихий, почти детский восторг соседки, увидевшей на подоконнике синицу. Она не стала сопротивляться этим чувствам, а лишь отнесла их к разряду «не своих» и мысленно отодвинула в сторону, чтобы они не смогли её затронуть.

Затем она попыталась сделать наоборот: словно прозрачная ткань с зеркала, она сняла завесу. Мир сразу же стал громче, но это уже был не хаос, а поток мыслей, который она могла упорядочить. Она остановилась на одной мысли — спокойной и размеренной, как будто кто-то в соседнем доме заваривал чай и размышлял о чём-то хорошем. Эта мысль стала для неё якорем, на котором она могла удержаться. Затем она снова мягко опустила завесу, возвращая мир в тишину.

Трижды подряд она повторяла одни и те же действия: открывала, удерживала и закрывала. На третий раз у неё это получилось почти без усилий. Не было никаких дополнительных атрибутов или ритуалов — только её воля и та тонкая, но прочная граница, которую она научилась выстраивать, сосредоточившись лишь на своих мыслях.

София открыла глаза, посмотрела на шкатулку с серьгами и едва заметно улыбнулась. Теперь она знала, что сила была не в металле, а в ней самой. И даже если однажды серьги потеряются или останутся дома, она всё равно сможет отгородиться от этого шума.

Чтобы убедиться в своих силах, она вышла на балкон. Вечерний город был укутан в мягкие серо-синие тона. Фонари зажигались один за другим, создавая волшебную атмосферу. На тротуарах неспешно прогуливались люди, каждый со своей историей, своими тревогами, меч-

тами и радостями. София встала у перил, слегка наклонила голову, сосредоточилась и мысленно переключилась: «Сейчас я никого не слышу».

И вот наступила настоящая тишина. Не звенящая и пугающая, а тёплая и уютная, словно мягкий плед. Она постояла так минуту или две, наслаждаясь прохладным вечерним воздухом. Напряжение, накопившееся за день, медленно отступало, словно стекая вниз, к её ногам, и растворяясь в полумраке улицы.

Затем она медленно осмотрела прохожих, словно изучая их через невидимые линзы. Ей хотелось проверить, насколько хорошо работает её новый навык: сможет ли она сосредоточиться на одной мысли, не отвлекаясь на окружающий шум.

Её внимание привлёк молодой человек, который шёл чуть позади девушки в короткой юбке. Он двигался немного быстрее, словно хотел догнать её, но не решался, и в его походке чувствовалось нетерпение. София прищурилась, сосредоточилась на нём, как на одной ноте в огромном оркестре, и осторожно приоткрыла свой «приёмник» ровно настолько, чтобы услышать только его мысли.

И тут же пожалела об этом.

«Как бы замечательно было провести с ней ночь…» — эта мысль показалась Софии грубой, прямолинейной и до боли банальной. Она тихо ругнулась и поспешила закрыть этот канал, но неприятный осадок остался.

Покачав головой, она тихо прошептала ему вслед:

— Ну вот… За всех мужиков обидно. Одно лишь на уме.

Ей вдруг захотелось не просто уйти с балкона, а как-то его проучить, пусть и по-своему, по-маленькому. Не причинить вред, а лишь дать понять, что его мысли не так уж и невидимы. София слегка наклонила голову, собрала в себе ту самую лёгкую искру магии, которую обычно прятала, и направила её не на человека, а на момент — на крошечную щель между реальностью и случайностью.

Внезапно пареньиздал громкий звук, который был настолько неожиданным, что он сам подпрыгнул от испуга. Он громко рыгнул. Девушка в короткой юбке, шедшая впереди него, обернулась и, на мгновение замерев, не смогла сдержать смех. Покраснев, парень пробормотал что-то невнятное, махнул рукой и поспешил свернуть в переулок, стараясь скрыться от смущения и стыда.

София прикрыла рот ладонью, чтобы сдержать смех, и тихо хихикнула. Это была маленькая шалость, не злая, а скорее озорная — словно щелчок по носу. И на мгновение ей стало легче, словно она обрела хоть немного контроля над тем, что обычно казалось ей непостижимым.

Она ещё немного постояла на балконе, наблюдая, как вечер окончательно охватывает город. Зажигались новые огни, люди спешили по своим делам, не подозревая, что где-то на крыше девушка в простой футболке всего лишь слегка изменила реальность. Затем она вздохнула, закрыла балконную дверь и вернулась в комнату.

София взяла с блюдца серьги и снова надела их — не потому, что боялась чужих мыслей, а потому, что ей хотелось тишины и покоя. Она мечтала, чтобы её голова наконец-то отдохнула. Ведь только сегодня она открыла в себе новую способность контролировать поток чужих мыслей. Без помощи серёжек. И только время может подтвердить надёжность этого метода.

София, утомлённая долгим днём, устроилась на кровати, закрыла глаза и полностью расслабилась. Усталость, накопившаяся за день, мягко окутала её, погружая в мир сновидений. Как будто бы кто-то говорил ей: «Ты сегодня хорошо поработала. Ты научилась принимать осознанные решения и прислушиваться к своему внутреннему голосу». С этой мыслью, тихой и тёплой, она провалилась в глубокий сон.

София погрузилась в сон, словно кто-то выключил свет в её комнате. Но вместо привычной темноты перед ней раскинулся целый мир — сказочный остров, словно сошедший со страниц старой книги.

Он был не просто прекрасен — он словно дышал. В воздухе витали ароматы соли, спелых фруктов и чего-то неуловимого, напоминающего тёплый мёд. Небо было пронзительно синим, без единого облачка, а солнце не обжигало, а ласково согревало кожу, словно мягкое одеяло. Волны неторопливо накатывались на берег и отступали, оставляя на золотистом песке тонкую кружевную кайму пены.

Берег плавно переходил в буйство зелени: пальмы с широкими листьями, кусты с тяжёлыми гроздьями тёмно-фиолетовых ягод, деревья, чьи ветви переплетались над землёй, образуя живые арки. В глубине острова возвышались невысокие холмы, покрытые изумрудным мхом, а между ними вились тропинки, выложенные гладкими камнями. Где-то неподалёку звенел ручей, и его прозрачная, как стекло, вода бежала по камням, рассыпаясь брызгами.

Птицы на этом острове пели иначе, чем в городе. Их голоса не смешивались, а сливались в один ровный, убаюкивающий мотив, словно кто-то очень бережно настраивал невидимый оркестр. А ещё на острове жили маленькие существа — не то ящерицы, не то маленькие змейки. Они ловко перемещались между корнями, сверкая чешуёй, похожей на изумруды, и время от времени замирали, прислушиваясь к чему-то важному.

Среди этой живой, дышащей красоты стоял Андрей. Он был одет не в строгий костюм, как в офисе, а в простую белую льняную рубашку с закатанными рукавами и светлые брюки, будто уже давно привык к этому месту. Он стоял у самой кромки воды и спокойно смотрел на горизонт, словно знал все тайны мира, и они его ничуть не тревожили.

София приблизилась к нему, и впервые в жизни ей не нужно было скрывать свою истинную сущность. Она не стала снимать серьги, не стала подавлять в себе дар читать мысли окружающих и не опасалась, что кто-то увидит в ней что-то «неправильное». Здесь она была настоящей ведьмой, и это не вызывало никаких сомнений. Более того, это казалось ей очаровательным.

Андрей посмотрел на неё и улыбнулся. Это была не обычная вежливая улыбка, которую он обычно демонстрировал подчинённым в офисе, а искренняя и тёплая, словно внутри него зажёгся тихий свет.

— Ты, наверное, можешь разглядеть здесь всё, не так ли? — спокойно спросил он, кивнув в сторону острова. — Даже то, что спрятано от посторонних глаз.

София пожала плечами, но на душе у неё сразу стало легче.

— Почти всё. Но не тебя. Ты здесь… другой, — сказала она.

— Потому что здесь не нужно притворяться, — тихо произнёс он. — Здесь можно быть самим собой. Я вижу тебя настоящую. И не боюсь этого.

Она хотела что-то сказать в ответ, но слова застряли у неё в горле. Вместо этого она просто стояла и смотрела на него, ощущая, как исчезает её обычная скованность и рушится стена, которая всегда разделяла её с окружающими.

Они неторопливо шли вдоль берега, останавливаясь то у необычного камня, то у куста с ярко-оранжевыми цветами, которые раскрывались только в тени. София рассказывала Андрею об острове: о том, как здесь меняется время, о птицах, которые умеют шептать предсказания, если слушать их очень тихо, и о маленьких сверкающих существах, которые, по легенде, хранят сны. Андрей слушал, не перебивая, и иногда кивал, словно для него всё это было самым обычным делом.

Затем они поднялись на небольшой холм, с которого открывался чудесный вид на весь остров: на бухту, на лес, на далёкие скалы, о которые разбивались волны. Солнце медленно склонялось к закату, окрашивая воду в золотые и медные оттенки. Воздух стал прохладнее, но не холодным — скорее свежим и звенящим.

Андрей подошёл к Софии ближе. В его глазах отражался закат, и в этом мягком свете он выглядел не просто спокойным, а бесконечно добрым. Он протянул руку, желая коснуться её волос, затем слегка наклонился, и София замерла, ощущая, как её сердце бьётся где-то у самого горла.

В тот самый миг, когда он уже почти коснулся её губ, когда между ними оставалось лишь ничтожно малое расстояние, что-то щёлкнуло. Не звук, не вспышка — скорее, ощущение, будто кто-то резко дёрнул невидимую нить.

Невидимая сила вырвала Софию из сна. Она не просто проснулась — её швырнуло обратно в реальность, из тёплого, живого острова прямо в прохладную тишину её комнаты.

Она резко села на кровати, жадно хватая воздух, как будто только что вынырнула из воды. Сердце бешено колотилось, ладони были слегка влажными, а на губах всё ещё оставалось странное ощущение — не поцелуй, а предвкушение, лёгкая дрожь от того, что так и не произошло.

За окном всё ещё царила ночь, город тихо гудел вдалеке, а в комнате было темно и спокойно. София медленно опустила ноги на пол, провела ладонью по лицу, пытаясь прогнать остатки сна. Но он всё ещё не отпускал её, как запах моря, который долго держится на одежде, даже когда вы уходите с пляжа.

Она провела несколько минут, глядя в темноту, и тихо произнесла:

— Это был всего лишь сон…

Но в глубине души София надеялась, что это не так. Она верила, что где-то есть остров, который ей приснился, и что однажды она туда вернётся. Вместе с Андреем. И, наконец, они смогут поцеловаться.

Глава 2

София, сидя за рабочим столом, машинально вертела в пальцах ручку и старалась сосредоточиться на цифрах в отчёте. Однако цифры расплывались перед её глазами, а в памяти снова и снова всплывал тот самый момент, когда кружка, словно по волшебству, сорвалась со стола и полетела прямо к её руке. И самое страшное, что всё это видел Макар. Его глаза тогда округлились так, будто он увидел не чашку, а настоящего дракона, внезапно появившегося посреди офиса.

В тот миг сердце Софии сжалось от страха. Паника охватила её ледяной волной, и магия, почувствовав этот всплеск эмоций, стремительно вырвалась наружу. Не раздумывая, она отправила короткий мысленный импульс. Он был лёгким, но уверенным, как учила её бабушка: «Не стирание, а затуманивание, чтобы он просто подумал, что ему показалось». Макар, тряхнув головой, пробормотал: «Странно… Вроде кружка чуть не упала, а теперь стоит ровно. Наверное, глаза устали». София выдохнула так тихо, что никто не услышал, но внутри неё всё ещё дрожало.

Позже, когда она осталась одна в пустом кабинете, её мысли вернулись к словам бабушки. Она говорила, что всплески происходят, когда эмоции берут верх над разумом, а магическая энергия выходит из-под контроля, словно вода, прорывающаяся через трещину в плотине. Бабушка всегда добавляла: «Чем сильнее стараешься её удержать, тем громче она кричит». Тогда София лишь недоумевала, полагая, что это всего лишь метафора. Теперь же она осознала, что это была своего рода инструкция.

День медленно подходил к концу. В соседнем кабинете хлопнула дверь, зашуршали бумаги, кто-то засмеялся, но как-то невпопад. София попыталась снова сосредоточиться на графиках, но в этот момент в проёме двери появился Андрей. Он опёрся о косяк, слегка наклонил голову и улыбнулся.

— София, ты просто спасла мне этот отчёт, — произнёс Андрей с лёгкой улыбкой. — Без твоих правок я бы до ночи сидел и искал ошибку. Спасибо!

Его голос звучал спокойно и уверенно, словно в нём не было ни спешки, ни напряжения. Он был подобен тихому ручейку в водовороте городской суеты. София почувствовала, как щёки заливает румянец, и поспешно опустила глаза, делая вид, что сверяет какие-то цифры.

— Не стоит беспокоиться, это же пустяки, — произнесла она, стараясь казаться спокойной, хотя внутри всё ликовало от радости.

Ей хотелось, чтобы он видел в ней не просто подчинённую, которая всегда вовремя выполняет свои обязанности, а девушку, с которой можно обсудить не только рабочие вопросы. На мгновение она прикрыла глаза и попыталась проникнуть в его мысли — осторожно, будто проверяя воду перед тем, как войти. Но её попытки наткнулись на что-то твёрдое и гладкое, словно на невидимую стеклянную стену. Ни образов, ни слов — только тишина и ощущение непреодолимого барьера. Казалось, кто-то установил щит и даже не потрудился его скрыть.

«Или это не человек, а что-то другое», — размышляла она, нахмурившись. — Возможно, у него есть врождённая защита? Или он просто не из тех, чьи мысли можно прочитать?» Эта мысль одновременно разочаровывала и будоражила её: встретить человека, перед которым магия бессильна, — это как обнаружить остров, которого нет на карте.

Когда рабочий день наконец-то закончился, София отправилась домой, ощущая, как напряжение медленно покидает её тело. Лифт двигался медленно, издавая гул, словно старый жук. Она стояла, глядя на цифры этажей, и повторяла про себя: «Щит. Контроль. Эмоции —

прочь». Бабушка говорила, что щит — это не просто кирпичная стена, а умение не впускать в себя всё лишнее, чтобы не дать магии повода вырваться наружу.

Первым делом, оказавшись дома, она сбросила обувь, поставила чайник и достала потрёпанный блокнот с тёмно-синей бархатной обложкой. На первой странице блокнота она аккуратно написала: «Мысли — на бумагу. Голова — пуста». Она села у окна, где вечерний свет ложился на стол тёплыми полосами, и начала записывать всё, что крутилось у неё в голове: обрывки фраз, тревожные мысли, воспоминания о взгляде Андрея, страх, что однажды она не сможет контролировать свою магию. Строчка за строчкой — и постепенно внутри становилось тише, словно мысли, перенесённые на бумагу, теряли свою силу.

Затем она закрыла блокнот, села на пол, скрестив ноги, и закрыла глаза. Дыхание было ровным и медленным. Она представляла, как вокруг неё формируется прозрачная сфера, лёгкая, как мыльный пузырь, но прочная, как сталь. «Не для того, чтобы отгородиться от мира, — шептала она про себя, вспоминая наставления бабушки, — а чтобы мир не мешал тебе сохранять равновесие».

Вдруг у входной двери раздался тихий, но отчётливый скрежет. София приоткрыла глаза и, подойдя к двери, открыла её. На коврике у порога сидел полосатый кот её соседки. У кота была хитрая мордочка, а уши, казалось, всегда были настороже. Он не мяукал и не тёрся о дверь, а просто сидел и смотрел на Софию так, будто знал все её секреты и ждал продолжения истории.

— Мистер Кот, что вы здесь делаете? — спросила София, и её голос звучал мягко.

Кот моргнул, медленно повернул голову, словно оценивая ситуацию, и сел ещё прямее, сложив лапы, как маленький мудрец. София не смогла удержаться от смеха.

— Ну что ж, будешь моим стражем. Только не мяукай, я здесь защитный барьер устанавливаю, — сказала она, открывая дверь в квартиру и впуская кота внутрь.

Кот, казалось, кивнул, или это была просто тень на его мордочке. София улыбнулась и продолжила свой ритуал. В голове становилось всё спокойнее, защитный пузырь наполнялся светом, а кот у двери словно подтверждал: да, всё под контролем. По крайней мере, сегодня.

После небольшого перерыва София закрыла блокнот, провела ладонью по его бархатистой обложке, словно желая стереть с неё следы дневных тревог, и медленно, глубоко выдохнула. В комнате стало тихо — даже уличный шум, казалось, отступил куда-то на задний план. Кот у двери, почувствовав перемену, перестал гипнотизировать коврик и, слегка наклонив голову, просто сидел, словно ожидая, что же будет дальше.

София вспомнила бабушкины слова: «Сначала освободи пространство, а потом устанавливай щит. В противном случае он будет похож на крышу старого сарая — сильный ветер её унесёт. Бабушка всегда говорила о магии так, будто это не волшебство, а обычная работа, такая как уборка или штопка: кропотливая, аккуратная и последовательная.

София начала с самого простого — с дыхания. Она снова села на пол, скрестив ноги, опустила плечи и расслабила пальцы, которые весь день были сжаты от напряжения. Затем она стала считать вдохи. На счёт «четыре» София делала глубокий вдох носом, на «семь» — задержку дыхания, а на «восемь» — длинный и плавный выдох. Ей казалось, что с каждым выдохом она выталкивает из себя весь дневной шум: обрывки разговоров, неловкие взгляды, тревожное «а вдруг кто-то поймёт», даже лёгкий укол обиды от того, что Андрей хвалил только её работу, а не её саму. С каждым выдохом внутри становилось чуть просторнее.

Затем София приступила к «вытряхиванию». Её бабушка говорила, что не стоит бороться с мыслями — их нужно просто собрать и убрать. София представила, что её голова — это комната, где за день накопилось много всего: смятые бумажки сомнений, чашки забытых обид и коробки с тревогами о будущем. Мысленно она брала каждую вещь, относила к двери и выставляла за порог. «Это не моё сейчас», — шептала она про себя, отпуская воспоминания о

том, как Макар смотрел на летящую кружку. «Это можно разобрать позже». И магия, которая весь день словно дёргала её изнутри, понемногу затихала, чувствуя, что ей не за что держаться — не на чём раскачиваться, как на волне чужих эмоций.

Следующим шагом была запись. София снова открыла блокнот и быстро, почти не глядя, записала всё, что ещё беспокоило её: страх, что однажды она не сможет скрыть свою сущность; досаду из-за того, что не смогла прочитать мысли Андрея; неловкость от того, как пришлось стирать воспоминание у Макара. Она писала короткими фразами, избегая сложных оборотов, просто чтобы вытащить эти мысли из головы и перенести их на бумагу. Бабушка говорила: «Бумага терпеливее головы. Она всё примет и не будет спорить». И действительно, как только слова легли на страницы, тяжесть в груди стала легче, словно кто-то приоткрыл окно и впустил прохладный воздух.

Наконец, можно было сосредоточиться на создании щита. Она вновь вознамерилась создать этот защитный щит. София закрыла блокнот, положила его рядом с собой, закрыла глаза и представила, как вокруг неё возникает тонкая, но крепкая оболочка. Она старалась не использовать образы каменной стены или железного панциря, которые всегда ругала её бабушка. «Если ты будешь держать всё внутри себя, — говорила она, — магия всё равно найдёт способ проникнуть сквозь трещины, которые оставил твой страх». Щит должен был быть живым, как кожа или спокойная вода, которая отражает всё, но ничего не пропускает внутрь. София видела его как полупрозрачную сферу, переливающуюся, словно мыльный пузырь на солнце: снаружи он мягко искрился, а внутри царили тишина и спокойствие.

Она провела мысленной ладонью по поверхности этого пузыря, словно проверяя, нет ли где-то трещин или слабых мест. И тут, чуть выше левого плеча, она заметила лёгкую рябь, как на воде. София замерла. Это было то самое место, куда весь день проникали чужие эмоции: отголоски раздражения от коллеги из соседнего отдела, лёгкая зависть от новенькой стажёрки и даже отголосок усталости от охранника на входе. София не стала давить на это место или пытаться его залатать силой. Вместо этого она представила, как аккуратно собирает эту рябь в маленькую каплю, а затем отпускает её за пределы своей сферы. Щит снова стал ровным.

«Теперь закрепи», — раздался в её голове спокойный бабушкин голос. София сделала глубокий вдох и произнесла фразу, которую помнила с детства: «Моё внутри, чужое снаружи. Пусть будет так». Эти слова не были заклинанием из древних книг, они лишь помогали ей установить чёткую границу между собой и остальным миром. И щит, словно застёжка на любимой куртке, мягко, но надёжно, встал на своё место.

В этот момент кот, который сидел у двери, громко, но не агрессивно, мяукнул. Он словно выражал своё одобрение. София приоткрыла один глаз и улыбнулась.

— Ну что, страж, теперь можно и чаю попить, — тихо произнесла она, потянувшись, чтобы размять затекшие плечи.

Кот моргнул, словно понимая её, и слегка кивнул, хотя, возможно, это сн была лишь тень от лампы на его полосатой мордочке. София встала, подошла к двери, присела рядом с котом и на мгновение положила ладонь на его тёплую спину. Он не убежал и не зашипел, а просто сидел, позволяя себя погладить. Затем он встал, потянулся всем телом и неторопливо направился по коридору, словно его миссия на сегодня была выполнена.

София закрыла дверь, заварила чай и села у окна. В голове было непривычно тихо. Щит стоял на месте, магия больше не бушевала внутри, а мысли кружились спокойно, как листья на воде. Даже мысль об Андрее больше не вызывала у неё волнения. Она словно бы таилась на краю сознания, тёплая, но не острая. София улыбнулась, обхватила чашку ладонями и подумала: «Сегодня я справилась. А завтра разберусь с остальным».

София проснулась от солнечного луча, который, пробившись сквозь щель в шторах, коснулся её носа. Она поморгала, улыбнулась и потянулась так, что хрустнули плечи. Казалось,

что за ночь её тело избавилось от всех тяжёлых мыслей, словно сбросило старую шубу. В комнате было тихо, лишь где-то далеко, в соседнем подъезде, кто-то громко хлопнул дверью, да за окном прокричала чайка. Но внутри Софии царила та самая тишина, которую она так старательно создавала вчера вечером.

Она села на кровати, провела ладонью по волосам и внезапно осознала, что не надела свои любимые серебряные серёжки с крошечными лунными камнями. Обычно это было обязательным ритуалом — они защищали её от посторонних мыслей. Но сегодня рука даже не потянулась к шкатулке.

И тут её осенило: она не надела серёжки, потому что боялась, что металл может резонировать с магией, усиливать чужие голоса и пробиваться сквозь её щит. Но раз она даже не подумала о них, значит, щит работал. Он стоял ровно и спокойно, не дрожал от каждого случайного порыва чужих эмоций, не пропускал внутрь ни раздражение, ни чужую спешку, ни тяжёлые, липкие мысли, которые обычно цеплялись за неё в толпе.

София встала, умылась прохладной водой, собрала волосы в небрежный хвост и надела свой любимый бежевый плащ. В этом плаще она всегда чувствовала себя невидимой, но не одинокой. На кухне она неторопливо выпила чашку крепкого чая с лимоном, наблюдая, как пар поднимается и растворяется в воздухе. Впервые за долгое время утро не казалось ей испытанием, которое нужно просто пережить.

Сегодня дорога до работы была совсем другой. Обычно София шла быстро, опустив голову, чтобы не встречаться взглядом с прохожими. Даже короткий зрительный контакт мог открыть маленькую дверь, через которую в её сознание проникали обрывки чужих мыслей: «опоздаю», «надо купить хлеб», «почему он не звонит». Но сегодня она шла спокойно, чуть медленнее обычного, и сама себе разрешила… присмотреться.

Сначала она попыталась легко, почти незаметно, прикоснуться к мыслям женщины в ярко-красной куртке, которая спешила вперёд, прижимая к уху телефон. В голове у Софии промелькнуло: «Только бы успеть, только бы не пробки». Мысль была острой, как лезвие, но щит мягко отразил её, не позволяя проникнуть глубже. София даже не вздрогнула — просто отметила это и пошла дальше, ощущая странное удовлетворение: щит держал.

Затем её внимание привлёк молодой человек в наушниках, который шёл, слегка покачиваясь в такт музыке. На мгновение София задержала взгляд на его затылке и осторожно попыталась уловить мысль. И вдруг в её голове промелькнуло не слово, а скорее ощущение — тёплое, густое чувство, которое говорило: «Сегодня хороший день. Пусть будет хороший день». Это было так неожиданно и так просто, что София чуть не рассмеялась вслух. Она даже замедлила шаг, чтобы продлить это ощущение, словно оно могло прилипнуть к ней, как солнечный свет к тёплой стене.

Дальше её внимание привлёк мужчина в строгом пальто, который стоял у пешеходного перехода и нетерпеливо постукивал ногой. София не собиралась обращать на него внимание, но её взгляд невольно остановился на нём, и в голове мелькнула мысль: «Как же медленно движутся пешеходы!» Однако защитный барьер снова мягко отвёл эту колючую эмоцию, и София внезапно почувствовала лёгкое озорство. Она словно стояла за прозрачным стеклом и наблюдала за миром, который её не касался.

Особенно интересным был мальчик лет двенадцати, который, казалось, не бежал, а просто очень быстро шёл по тротуару. София с трудом улавливала его мысли — они были стремительными, как молния: «Только бы не споткнуться, только бы не споткнуться… а то все увидят!» Но тут же, через мгновение, он словно бы передумал: «А пусть видят! Я всё равно самый быстрый!» София не смогла сдержать широкой улыбки. Прохожий, шедший навстречу, тоже улыбнулся ей в ответ, вероятно, решив, что она просто очень рада жизни.

К офису она почти подбежала, чувствуя, как в душе разливается радостное волнение от ощущения новой, необычной свободы. Теперь она могла сама решать, кого слушать, а кого нет. Она могла позволить себе насладиться чем-то мимолётным, забавным, человечным, а затем мягко отпустить, не позволяя этому проникнуть слишком глубоко. Это напоминало ей детство, когда она собирала красивые камушки на пляже: брала их в руки, рассматривала, наслаждалась их красотой, а затем возвращала обратно, потому что не могла унести их с собой.

В холле офиса она на мгновение замерла, привыкая к полумраку после яркого солнечного утра. И тут же поймала на себе взгляд охранника — спокойный и немного усталый. В этот раз она даже не пыталась прочитать его мысли. Просто улыбнулась и кивнула: «Доброе утро». Он кивнул в ответ, и между ними словно промелькнула маленькая, но искренняя искра понимания — без всякого волшебства.

Когда София вошла в кабинет, Макар уже сидел за своим столом и, нахмурив брови, что-то быстро печатал. Она на мгновение задумалась, не заглянуть ли в его мысли, но сразу же остановила себя. В прошлый раз ей пришлось стереть его воспоминание, и теперь ей казалось неправильным снова вторгаться в его разум, даже если её щит позволял это сделать без труда. Вместо этого она просто сказала:

— Привет, Макар. Как дела?

Он поднял взгляд, словно был удивлён, что кто-то вообще обратился к нему, и пожал плечами:

— Всё хорошо. Правда, этот отчёт никак не получается составить.

— Если хочешь, я могу посмотреть, — предложила София, чувствуя, что сегодня она полна сил и спокойна, чтобы помочь, не теряя себя в чужих проблемах.

Макар кивнул, немного расслабив плечи, и подвинул к ней папку. София присела рядом, открыла страницы и начала читать. В её сознании тихо, но уверенно держался тот самый щит — ровный, прозрачный и надёжный. Впервые она поняла, что магия — это не то, чего стоит стыдиться или чего следует опасаться. Это часть её самой, которую можно держать в руках, как тёплый камень, и использовать, когда это действительно необходимо.

Рабочий день тянулся медленно, как это часто бывает, когда все дела сделаны, а время всё равно не хочет заканчиваться. София то и дело посматривала на часы, будто они могли идти быстрее, если бы она этого захотела. Наконец, она дописала последние строчки отчёта, тщательно сверила цифры, закрыла файл и с облегчением выдохнула. В кабинете почти никого не осталось: Макар ушёл полчаса назад, сказав на прощание: «Если что, пиши в чат», а остальные сотрудники растворились в вечерней суматохе города.

София застёгивала плащ, когда дверь приоткрылась и на пороге появился Андрей. Он выглядел уставшим, но в этой усталости было что-то умиротворённое, словно день не вымотал его, а лишь хорошенько встряхнул, как бутылку с газированной водой, и теперь пузырьки постепенно оседали. В руках он держал папку, которую прижимал к груди, словно она была его щитом.

— Всё ещё здесь? — спросил он, слегка приподняв брови. Его голос звучал так же ровно, как и всегда, и от этого у Софии в груди разлилось тепло.

— Да, я заканчивала отчёт. Хотела всё завершить, чтобы завтра уже не возвращаться к этой теме, — произнесла она с улыбкой, но тут же заметила, что её улыбка вышла слишком широкой и даже немного нервной, и поспешила её слегка сбавить.

Андрей утвердительно кивнул, подошёл к столу, положил папку и внезапно остановился, словно что-то вспомнив.

— Слушай, спасибо тебе ещё раз за помощь с графиками! Без тебя я бы до ночи сидел здесь, пытаясь понять, где эти линии должны пересекаться, — он слегка улыбнулся, и это была искренняя улыбка, а не дежурная, словно он действительно испытывал благодарность.

— Не за что, — пожала плечами София, стараясь сохранять спокойствие, хотя внутри всё ликовало от радости. — Это же моя работа.

Но тут же пожалела о своих словах: «моя работа» прозвучало так сухо, так по-деловому, словно между ними не было ничего, кроме графиков и отчётов. А ей так хотелось, чтобы он увидел в ней не просто сотрудницу, которая вовремя сдаёт отчёты, а девушку, у которой сегодня утром солнце легло на нос, и от этого весь день казался светлее.

Андрей, казалось, заметил её смущение или был просто очень внимателен, как София всегда его воспринимала. Он слегка наклонил голову, словно изучал её, и спросил чуть тише, без излишней официальности:

— Ты хорошо себя чувствуешь? Сегодня ты кажешься мне другой. Более спокойной, как будто весь этот офисный шум тебя совсем не волнует.

На мгновение София застыла. Щит. Конечно, он не мог знать о щите, о бабушкиных уроках и о том, как она училась отделять свои мысли от чужих. Но он заметил произошедшую в ней перемену — и это внезапно показалось ей самым важным комплиментом за весь день.

— Сегодня замечательный день, — сказала она с лёгкой улыбкой, стараясь не показать, сколько всего кроется за этой простой фразой. — И утро было чудесным. Даже пробки не испортили настроения.

Андрей хмыкнул, словно оценив искренность, и присел на край стола, скрестив руки на груди.

— Это редкость, — сказал он. — Обычно к пятнице все ходят с таким видом, будто мир им должен отпуск и премию. А ты словно из другого измерения.

В этот момент София чуть не проговорилась. Она хотела сказать: «А может быть, я и правда из другого мира», — но вовремя остановилась. Вместо этого она тихо и искренне рассмеялась.

— Возможно, я просто хорошо выспалась, — произнесла она, глядя ему в глаза.

Они на мгновение замолчали, и это было не напряжение, а скорее уютное молчание, когда слова не нужны, потому что всё понятно без слов. Но затем Андрей снова потянулся за папкой, как будто осознал, что задерживает её, и произнёс чуть быстрее, чем следовало:

— Хорошо, не буду тебя задерживать. Отдыхай, завтра тебя снова ждёт много работы с документами.

— Да, — кивнула София, подхватила сумку и уже сделала шаг к двери, но вдруг остановилась.

Ей захотелось сказать что-то ещё, что-то простое и настоящее, чтобы этот вечер не заканчивался вот так, на полуслове. И прежде чем успела себя остановить, она произнесла:

— Если графики снова начнут давать сбои и бунтовать, пожалуйста, дайте знать. Я всегда готова помочь.

Андрей снова улыбнулся, на этот раз чуть шире, и кивнул:

— Договорились.

Она вышла в коридор, чувствуя, как горят её щёки, и мысленно ругая себя за свою внезапную откровенность. «Теперь он может подумать, что я навязываюсь», — мелькнула тревожная мысль. Но тут же другая мысль, спокойная и уверенная, словно тихий голос бабушки, шепнула ей на краю сознания: «Ты просто была собой. А это самое редкое и самое ценное».

София шла по пустынному коридору, прислушиваясь к звукам своих шагов. Она ощущала, как её щит по-прежнему стоит на своём месте — ровный, прозрачный и надёжный. Однако сегодня он не отделял её от мира, а лишь защищал, позволяя быть открытой там, где

ей хочется, и закрытой там, где это необходимо. И даже лёгкая неловкость, которая всё ещё ощущалась где-то внутри, теперь казалась не ошибкой, а чем-то живым и настоящим — как первый неуверенный шаг по тонкому льду, когда знаешь, что лёд выдержит.

Глава 3

Утро в офисе началось как обычно: шум кофемашины, тихое постукивание клавиш, шелест бумаг — всё это сливалось в привычный рабочий ритм, который София уже научилась не замечать. Она села за свой стол, привычно поправила стопку папок, открыла ноутбук и первым делом проверила электронную почту. Письма приходили одно за другим, но среди них не было ни одного от Андрея. Это даже слегка удивило её: в последние дни он почти перестал писать ей по электронной почте и всё чаще подходил лично с короткими вопросами, просьбами взглянуть на один документ или уточнить срок выполнения задачи.

София старалась не замечать его присутствия, но каждый раз, когда он оказывался рядом, внутри что-то сжималось. Она делала вид, что полностью погружена в работу, но краем глаза замечала, как он выходит из кабинета, останавливается у соседнего стола, разговаривает с коллегами и снова, словно невзначай, оказывается рядом с её рабочим местом.

Всё началось с того самого заклинания. София до сих пор с лёгкой неловкостью вспоминала тот вечер. Бабушка всегда строго-настрого запрещала ей использовать любые чары на людях, особенно чтобы «подслушивать» их мысли. И особенно тех, чьи мысли не поддаются прочтению. Но любопытство оказалось сильнее. Заклинание было коротким и почти незаметным — всего несколько слов, произнесённых шёпотом над чашкой остывшего чая. Однако с тех пор граница между миром Андрея и её собственным стала тоньше. Иногда мысли Андрея словно прорывались к ней, как радиоволны, которые невозможно выключить.

Она честно старалась не подслушивать. Не ловить обрывки фраз и не улавливать случайные образы. Но сегодня, когда Андрей в очередной раз подошёл к её столу и спросил, видела ли она отчёт по проекту «Северный», в её сознании вдруг прозвучала его мысль — чёткая и ясная, как будто он произнёс её вслух: «Она будто знает, что нужно, ещё до того, как я скажу».

София вздрогнула, её пальцы застыли над клавиатурой, а в груди всё сжалось от паники. Неужели он догадался? Понял, что с ней что-то не так? Что она не просто «интуитивно» всё угадывает, а буквально читает его мысли? Она быстро подняла глаза, стараясь сохранять спокойствие, и пробормотала:

— Отчёт находится в общей папке, в разделе «Срочные». Я положила его туда вчера.

Андрей кивнул, слегка улыбнулся и ушёл. София ещё долго смотрела ему вслед, стараясь унять бешено колотящееся сердце. Ей нужно было срочно отвлечься, перестать думать об этом и перестать прислушиваться к чужим мыслям.

И тут она увидела своего нового коллегу Родиона. Он сидел за своим столом, склонившись над ноутбуком, и, казалось, был готов провалиться сквозь землю от напряжения. Он нервно теребил край блокнота и периодически бросал на экран отчаянные взгляды. София вспомнила, что сегодня у него презентация для отдела, и, судя по всему, он был на грани паники.

Она встала, подошла к нему и спокойно произнесла:

— Родион, у тебя возникли трудности? Давай я помогу.

Он посмотрел на неё с благодарностью и страхом в глазах.

— Я не могу найти файл с диаграммами. Я точно помню, что сохранял его, но теперь его нигде нет. Либо я его удалил, либо… Я совсем запутался.

София улыбнулась, стараясь говорить спокойно:

— Не стоит переживать, это случается. Давай посмотрим вместе.

Она присела рядом, открыла общую папку и… с удивлением обнаружила, что нужный файл уже лежит в подпапке «Презентации», причём прямо сверху. Это казалось каким-то волшебством. Но София сделала вид, что так и было задумано.

— Вот он, смотри. Всё на месте.

Родион с облегчением вздохнул, словно с его плеч свалилась тяжёлая ноша, и с благодарной улыбкой произнёс:

— Спасибо… Ты просто спасительница моя.

Они быстро проверили слайды и внесли несколько исправлений в графики. К тому времени, как Родион ушёл репетировать в переговорную, София почувствовала, как паника отступает. Она вернулась за свой стол и попыталась сосредоточиться на работе.

Однако, не успела она открыть следующую задачу, как рядом снова раздался голос Андрея.

— Вот, держи. Думаю, тебе уже пора выпить кофе.

Она подняла глаза. Андрей стоял перед ней с картонным стаканчиком в руке, слегка улыбаясь.

— Благодарю, — произнесла София, принимая чашку кофе, её голос звучал тихо.

В этот момент его мысли снова обратились к ней, но на этот раз они были далеки от работы. «У неё красивые глаза», — мелькнуло у него в голове.

София замерла на мгновение, а затем не смогла сдержать лёгкой, искренней улыбки. Это было так неожиданно и так приятно, что все тревоги сразу показались ей мелкими и незначительными.

Андрей слегка нахмурился, словно пытаясь понять, что её так рассмешило. И тут же подумал: «А у неё ещё и красивая улыбка».

София услышала и это. Её щеки слегка покраснели, и на мгновение ей захотелось закрыть глаза и раствориться в этом моменте. Но потом она опомнилась, вернулась в реальность и поспешно надела привычную маску собранности и серьёзности — хотя улыбка всё равно не исчезла полностью.

— Спасибо за кофе, — повторила она, уже немного строже, но с той же тёплой интонацией. — Это было очень кстати.

Она снова улыбнулась ему, стараясь, чтобы это выглядело как обычная благодарность, а не как признание того, что ей известно больше, чем следует. Андрей кивнул, улыбнулся в ответ и, бросив: «Если что, зови», направился к своему кабинету.

София, держа в руках тёплый стаканчик, осталась сидеть за столом. Она думала о том, как этот обычный рабочий день внезапно стал совсем не таким, как раньше.

Офис медленно погружался в тишину. Сначала ушли бухгалтеры, и их шаги ещё долго звучали в пустом коридоре. Затем потянулись дизайнеры, тихо прощаясь у лифта и направляясь к выходу. София старалась сделать вид, что занята работой: щёлкала мышкой, открывала и закрывала вкладки, сверяла цифры, которые уже проверяла трижды в течение дня. Но на самом деле она просто ждала.

За окном давно стемнело, и город за стеклянной стеной переливался огнями, словно кто-то рассыпал по небу горсть золотых бусин. В кабинете становилось всё тише, и каждый звук теперь казался громче: скрип стула, тихий гул кондиционера, редкий стук клавиатуры, когда она притворялась, что что-то печатает.

Коллеги покидали офис, на ходу бросая Софии: «Ты чего тут сидишь?», «Завтра доделаешь, иди домой», «Не засиживайся». Она кивала, улыбалась и обещала, что вот-вот уйдёт. Но она не могла заставить себя уйти, потому что знала: Андрей всё ещё здесь. Дверь его кабинета была приоткрыта, и из щели пробивалась узкая полоска тёплого света. Иногда до неё доносился его голос — он говорил по телефону спокойно, сдержанно, без спешки. И каждый раз, слыша его интонацию, она чувствовала, как что-то замирает внутри.

София не знала, чего ждёт от этого вечера. Она вообще не могла понять, чего хочет. Ей просто хотелось побыть с ним наедине хотя бы пять минут. Не о графиках и отчётах, а о чём-то

более простом: о погоде, о книге, которую он упоминал на планёрке, или о том, почему кофе из автомата сегодня кажется таким горьким. Ей хотелось увидеть его улыбку не для всех, а только для неё.

София в очередной раз проверила электронную почту — пусто. Затем она открыла черновик уже сданной презентации и начала бездумно перелистывать слайды. Её пальцы слегка дрожали, и она, стараясь скрыть своё волнение, спрятала руки под стол, хотя в комнате уже никого не было.

Наконец из кабинета Андрея донёсся тихий щелчок — он положил трубку. Затем последовал шорох бумаг и скрип стула. София резко выпрямилась, словно её поймали за чем-то запрещённым, и уставилась в экран, делая вид, что читает важное письмо. Её сердце билось так громко, что, казалось, он мог услышать его даже через две комнаты.

Дверь кабинета открылась, и на пороге появился Андрей. Он выглядел уставшим, но спокойным: пиджак был снят, рукава рубашки закатаны, а галстук ослаблен. Остановившись у порога, он окинул взглядом опустевший офис, и на его лице мелькнуло лёгкое удивление, когда он заметил Софию.

— Ты всё ещё здесь? — спросил он, подойдя ближе. Его голос звучал не строго, а скорее с заботой. — Уже поздно. Почему ты не ушла?

София взглянула на него и попыталась улыбнуться как можно более искренне, но её улыбка получилась немного нервной.

— Да, вот… кое-что доделывала, — произнесла она. — Уже почти закончила.

Андрей остановился возле её стола и положил руку на спинку соседнего стула.

— Почти — это значит, что ещё минут двадцать? — спросил он с лёгкой улыбкой. — Или ты просто не хочешь идти в темноту одна?

София немного подумала, словно решая, стоит ли открывать хотя бы часть правды.

— Возможно, и то, и другое, — тихо произнесла она.

Он кивнул, словно это было самое простое и понятное объяснение на свете.

— Тогда я подожду тебя здесь, — предложил он. — Закончишь свои дела, и мы вместе спустимся. Лифт иногда застревает, если ехать одной.

София хотела возразить, сказать, что она взрослая и справится сама, что нет необходимости задерживаться из-за неё. Но слова застряли у неё в горле. Вместо этого она лишь кивнула и снова погрузилась в изучение экрана, ощущая, как присутствие Андрея делает воздух в комнате теплее.

Пока она делала вид, что дописывает последние строки в документе, Андрей не уходил. Он стоял рядом, время от времени поглядывая на часы, но без раздражения, скорее с терпеливым спокойствием. Иногда он бормотал что-то себе под нос, вспоминая какие-то дела, или доставал телефон, чтобы быстро ответить на сообщение. Затем он снова смотрел на Софию, словно убеждаясь, что с ней всё в порядке.

В эти минуты, когда она делала вид, что занята, а он притворялся, что просто ждёт, между ними возникло что-то новое — не рабочее, не формальное, а живое и настоящее. София поймала себя на мысли, что даже если бы ей не нужно было ничего доделывать, она всё равно бы осталась. Просто чтобы побыть с ним в этом тихом опустевшем офисе, где кроме них двоих никого не было.

Наконец, она закрыла ноутбук, потянулась, стараясь не показать, как сильно устала, и подняла на него глаза и сказала:

— Всё. Готово.

Андрей улыбнулся – просто и без тени пафоса, и этот взгляд показался ей самым важным за весь день.

— Замечательно! — воскликнул он с искренней улыбкой, словно обрадовавшись. — Тогда давай я провожу тебя.

Двери лифта закрылись, и в тишине кабины этот звук прозвучал особенно отчётливо, словно поставил точку после долгого рабочего дня. София стояла, слегка ссутулившись, и так крепко сжимала ремешок сумки, что пальцы побелели. Она старалась смотреть только на панель с кнопками, на эти ровные светящиеся цифры, которые лениво сменяли друг друга: 7… 6… 5… Но краем глаза она всё равно видела Андрея.

Он стоял совсем рядом с ней, но не пытался нарушить её личное пространство. Создавалось впечатление, что он намеренно сохраняет вежливую и осторожную дистанцию. Одна его рука была в кармане, а вторая лишь слегка касалась панели, словно он боялся случайно нажать на лишнюю кнопку и тем самым разрушить хрупкое равновесие между ними. Его рубашка была расстёгнута на одну пуговицу, а рукава закатаны до локтей. Он часто так делал, когда день становился долгим и формальности начинали его утомлять.

В голове Софии возникла абсурдная, но до боли притягательная идея: «Что, если бы лифт сейчас резко остановился? Если бы свет погас, и они оказались здесь одни, пока кто-то не придёт на помощь?» Ей вдруг захотелось, чтобы эта ситуация стала реальностью. Ей хотелось стоять рядом с ним и не скрывать своих чувств.

На долю секунды она потянулась к магии — той самой тонкой, едва уловимой нити силы, которая теперь жила у неё под кожей, словно готовая отозваться на любой порыв. Это было знакомое чувство: словно внутри вспыхивал крошечный огонёк, и стоило лишь слегка подтолкнуть его, направить в сторону мотора, троса и системы управления — и лифт послушно остановится. Ей казалось, что достаточно одного лёгкого импульса, чтобы кабина зависла между этажами. И тогда у них было бы столько времени… столько минут, когда не нужно было бы говорить о графиках, отчётах и правках.

Но тут же она остановила себя. Это было бы нечестно. Это было бы использование магии ради маленькой лжи. А её бабушка всегда говорила: «Магия — это не способ манипулировать людьми. Она не должна быть лестницей, по которой ты забираешься туда, куда тебя не звали». И хотя София очень хотела, она не стала дёргать за эту нить. Пусть лифт едет, а всё идёт своим чередом.

Однако она не могла не прислушиваться к его мыслям. С тех пор как она нарушила запрет и произнесла то заклинание, граница между её внутренним миром и миром Андрея стала словно мокрое стекло. И теперь его мысли иногда сами проникали к ней — особенно когда он был рядом.

Андрей стоял совсем близко, и его мысли текли плавно, словно он старался их упорядочить, чтобы они не выдавали его истинных чувств. «Нужно бы подвезти её до дома», — подумал он. Уже поздно, улицы пустынны, фонари горят через один, а автобусы, вероятно, ходят не чаще одного раза в полчаса, если вообще ходят. Район, где она живёт, не самый оживлённый. Он даже начал подбирать слова, чтобы предложить ей свою помощь, примеряя их, как пиджак. «Могу подвезти, если хочешь…» — фраза звучала сухо и безразлично. «Если тебе по пути…» — это звучало так, будто ему всё равно. «Просто я еду в ту сторону, давай подвезу…» — и тут он находил какой-то подвох.

София слушала его мысли и ощущала, как внутри неё разливается тепло, смешанное с тревогой. Её тронуло не то, что он думал о ней, а то, с какой осторожностью он подбирал слова — даже в своих мыслях. Он не хотел её напугать или поставить в неловкое положение. Он просто хотел проявить заботу, но боялся сделать что-то не так.

Лифт плавно замедлился, мягко качнулся и остановился. Двери открылись, и они оказались в пустом, гулком холле первого этажа.

Охранник за стойкой едва поднял глаза, кивнул и снова погрузился в свой экран — для него присутствие двух человек в полночь было обычным делом. За стеклянной дверью откры-

вался вид на город, который, казалось, был укрыт тяжёлым бархатным покрывалом. Редкие машины проносились мимо, оставляя за собой полосы света, а тротуары выглядели почти безлюдными.

Они вышли из лифта, и тишина улицы окутала их, словно мягкое одеяло. София остановилась у выхода, не решаясь шагнуть в эту темноту. Она глубоко и намеренно вздохнула, чтобы этот вздох стал не просто вздохом, а сигналом. Потом слегка поёжилась, хотя вечер был не холодным, и тихо, с лёгкой дрожью в голосе, произнесла:

— Как же здесь темно! Наверное, сейчас автобусы ходят с очень большими интервалами или вообще не ходят.

Она подняла глаза на Андрея, стараясь передать взглядом всё: и лёгкую усталость, и желание, чтобы рядом был кто-то заботливый. Не как начальник или коллега, а просто как человек, который не даст ей остаться наедине с ночной тишиной.

Андрей поймал её взгляд. На мгновение в его глазах мелькнуло выражение, словно он наконец-то нашёл нужные слова. Он слегка наклонил голову, словно проверяя свои мысли, и произнёс:

— Слушай, у меня машина. Я как раз собирался ехать домой. Если хочешь, могу тебя подвезти. Так будет быстрее и… безопаснее. Но если тебе неудобно или ты не хочешь — всё в порядке, я не настаиваю.

В его голосе звучала такая спокойная уверенность, что у Софии перехватило дыхание. Он давал ей возможность отказаться от его предложения, не настаивая.

— Спасибо, — произнесла она тихо, а затем слегка улыбнулась, чтобы голос звучал веселее. — Это было бы замечательно. Честно говоря.

Андрей кивнул, убеждая себя в правильности принятого решения, и жестом пригласил Софию пройти вперёд. Они вместе вышли из здания, и ночная прохлада окутала их, но Софии вдруг стало совсем не холодно. Рядом с ним темнота уже не казалась пугающей.

До парковки было всего две минуты ходьбы, но в ночной тишине эти минуты казались бесконечными, словно в них уместилось что-то очень важное. Асфальт ещё хранил дневное тепло, а воздух был наполнен ароматом дождя, прошедшего днём и оставившего после себя свежесть. Андрей шёл чуть впереди, но постоянно оглядывался, проверяя, успевает ли София за ним и не скользит ли на неровностях плитки.

— После дождя здесь бывает очень скользко, — произнёс он, словно извиняясь за то, что пошёл первым.

— Со мной всё хорошо, — улыбнулась София. В темноте её улыбка, вероятно, была видна только ей самой, но она хотела, чтобы он её почувствовал.

Пока они шли к парковке, София думала, что даже если бы лифт действительно сломался, она, вероятно, не была бы так рада, как сейчас. Ведь сейчас всё было так, как должно быть: без обмана, без магии и хитростей. Один человек просто предложил свою помощь, а другой с благодарностью её принял. И в этой простоте было что-то более искреннее, чем в любом волшебном трюке.

Андрей быстро нашёл машину — тёмный седан, который выглядел так, будто хозяин относился к нему с уважением: без лишних наклеек, без потёртостей, просто надёжный и спокойный, как и сам Андрей. Он открыл пассажирскую дверь, подождал, пока София сядет, и только потом обошёл машину и сел за руль.

Внутри автомобиля царил аромат кожи и едва уловимый запах, присущий только мужчинам — не парфюм, а скорее запах самого владельца, который проводит здесь много времени. Андрей вставил ключ в зажигание, но не сразу завёл мотор. Он на мгновение замер, собираясь с мыслями.

— Ты уверена, что не возражаешь против моей компании? — спросил он, глядя не на неё, а на тёмное стекло перед собой. — Просто я не люблю, когда люди делают что-то только из вежливости.

София слегка наклонила голову, тщательно подбирая слова, чтобы они звучали искренне.

— Я не из вежливости согласилась, — произнесла она тихо. — Откровенно говоря, мне действительно приятно, что ты предложил мне свою помощь. Особенно в этом ночном и холодном городе.

Андрей наконец-то повернул ключ, и мотор мягко заурчал.

Машина плавно подъехала к знакомому подъезду — тому самому, с облупившейся краской на козырьке и одинокой лампочкой над дверью, которая то загоралась, то гасла, словно сомневаясь, стоит ли вообще освещать путь. Андрей аккуратно вывернул руль, прижался к бордюру и заглушил мотор. В салоне сразу стало тихо — настолько тихо, что звук щёлкающего замка показался почти оглушительным. Мир сузился до тесного пространства машины, наполненного запахом кожи и едва уловимым цитрусовым ароматом её духов.

София не спешила отстёгивать ремень безопасности. Её пальцы застыли над пряжкой, словно она боялась, что одно неосторожное движение нарушит это хрупкое равновесие. Она сидела, слегка наклонив голову, и смотрела вперёд, на тёмное окно подъезда. Но на самом деле она не замечала ни окна, ни козырька, ни мигающей лампочки — она видела только его профиль. Твёрдая линия челюсти, лёгкая тень усталости у глаз, едва заметные движения пальцев на руле — казалось, он всё ещё ощущал вибрацию дороги.

Андрей тоже не спешил. Он не поворачивал голову в её сторону, не тянулся к ручке двери и не произносил дежурных фраз вроде «ну, давай, до завтра». Он просто смотрел в лобовое стекло, словно там была какая-то важная надпись, которую он никак не мог разобрать. В этой его неподвижности было столько напряжения, что воздух в салоне, казалось, стал гуще.

София вновь не смогла сдержаться. Магия, которую она так старательно контролировала, словно сама стремилась вырваться наружу. Она проникла тонкой нитью между ними и начала вливаться в сознание Софии, не в виде потока мыслей, а отдельными, рваными фразами, словно отголоски разговора за стеной. Она снова решила прочитать его мысли.

«Нужно попрощаться. Сказать: „До завтра“ или „Хорошего вечера“, или что-то такое… обычное. Она ведь устала, ей хочется домой, в тепло, в тишину. А я сижу здесь, как приклеенный, и не могу заставить себя открыть ей дверь. Но если она сейчас уйдёт, этот момент исчезнет. И завтра снова будут письма, планёрки, графики, и между нами опять будет эта дистанция…»

И вдруг, словно яркая вспышка, в его голове возникла совершенно иная мысль, которая на мгновение заставила Софию затаить дыхание: «Интересно, каковы её губы на вкус?»

Эта мысль была настолько яркой и откровенной, что София даже слегка отпрянула, как от физического удара. Но вслед за этой мыслью пришла другая — уже не желание, а раздражение, почти злость на самого себя: «Что ты творишь? Она твоя сотрудница. Ты её начальник. Ей и так нелегко, а ты сидишь тут и думаешь… глупости. Соберись!»

Андрей мысленно отругал себя, затем стёр эту мысль, как будто неловкую фразу в чате, и усилием воли вернулся к реальности. Он крепче сжал руль, затем резко отпустил его, словно сбрасывая напряжение, и наконец произнёс самую обычную, самую безопасную фразу, которую только смог придумать:

— Вот, приехали.

Его голос звучал спокойно, без каких-либо эмоций, словно он каждый вечер подвозил её до дома и это было в порядке вещей. Но София понимала, что это не так. Она заметила, как дрогнули его пальцы, как он на мгновение задержал дыхание, прежде чем произнести эти два коротких слова.

Она медленно отстегнула ремень безопасности, но не стала тянуться к ручке двери. Вместо этого она слегка повернулась к нему, чтобы видеть не только его профиль, но и глаза — хотя в полумраке салона это было не так просто.

— Спасибо, что подвёз, — произнесла она тихо, стараясь говорить спокойно, как будто не произошло ничего особенного. — Без тебя я бы сейчас стояла на остановке и искала расписание автобусов, которого там даже нет.

Уголок его губ слегка приподнялся, создавая видимость улыбки, но не более того.

— Не стоит благодарности, — произнёс он уже более спокойно. — К тому же… уже поздно. Не стоит ходить одной по тёмным улицам. Мне спокойнее, что ты теперь дома.

Он всё ещё не мог заставить себя взглянуть ей в глаза, словно опасаясь, что если посмотрит на неё, то не сможет сдержаться и произнесёт то, чего говорить не следует. Или совершит поступок, о котором потом пожалеет.

София хотела сказать что-то ещё — что-нибудь лёгкое, чтобы разрядить атмосферу. Например, что завтра принесёт ему кофе в знак благодарности, или рассказать забавный случай из офиса, который поможет улыбнуться. Но слова не шли на ум. Вместо этого она просто кивнула, как будто принимая его заботу как должное, и потянулась к ручке.

Но прежде чем она успела её повернуть, Андрей тихо произнёс:

— Если тебе что-то понадобится, даже если просто захочешь, чтобы я снова подвёз тебя домой, не стесняйся, обращайся. Звони в любое время, не обязательно по работе.

Он произнёс это так быстро, словно боялся передумать. Затем он снова уставился на лобовое стекло, будто там была написана инструкция, как действовать дальше.

София замерла, держась за ручку. Её сердце наполнилось смесью радости и боли от этой неожиданной и такой искренней заботы. Она улыбнулась, и на этот раз её улыбка шла от самого сердца, без тени притворства.

— Спасибо, — повторила она, и в её словах звучала не только благодарность за поездку, но и нечто большее. — Я это запомню.

Она открыла дверь, и в салон ворвался свежий ночной воздух, наполненный ароматом мокрого асфальта и далёкого дождя. София вышла из машины, закрыла дверь и на мгновение остановилась, глядя на него через стекло. Наконец-то Андрей посмотрел на неё — открыто и прямо, без лишних слов. В его взгляде читалось множество эмоций: забота, неловкость и что-то ещё, чему она не могла подобрать названия.

— Спокойной ночи, — произнесла она, чуть приподняв руку в лёгком, почти неслышном жесте.

— Спокойной ночи, — сказал он, и на этот раз в его голосе не было ни тени безразличия.

Машина плавно отъехала, и её фары, словно лезвия, рассекли темноту. Через несколько мгновений она исчезла в ночи, оставив Софию стоять у подъезда с сумкой, прижатой к груди, и с сердцем, которое не могло успокоиться. Она смотрела вслед удаляющимся огням, пока они не скрылись за поворотом. Затем медленно поднялась по ступенькам, ощущая, что этот вечер был совсем не похож на все остальные.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.